

ОЛЬГА КУЦЕНКО,

доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социальных структур
и социальных отношений факультета
социологии Киевского национального уни-
верситета им. Тараса Шевченко

К социетальной интеграции или к развитию “параллельных обществ”? (Сравнительное изучение межэтнических взаимодействий)

Abstract

The paper presents some outcomes of a comparative study concerning five different national cases of interethnic integration, which is aimed at revealing the state and prospects of societal interaction between an ethnic community and the dominant society within certain national borders and under different economic, cultural and political conditions. Some findings covering a mechanism of the societal ethnic-based integration, as well as types of the integration strategies used by different ethnic communities under varying social conditions are drawn. The study both the roots of interethnic conflicts relating to very different national cases and their impact on societal integration, national security and stability makes evident that such processes in dissimilar European societies are under a strong influence of certain economic and political interests supported by the basic historical and cultural preconditions.

Введение

Процессы глобализации, расширения Европейского Союза, трансформации в странах Восточной и Центральной Европы подтолкнули развитие этнического парадокса. С одной стороны, усиление взаимозависимости современных обществ, объективные рыночно-экономические и технико-технологические требования провоцируют ослабление межгосударственных границ, стимулируют международную миграцию и интеграцию. В то же время, эти же процессы становятся причиной значительного усиления этнически обусловленного самосознания и национализма. Этнические конфликты, обострение которых наблюдается в различных европейских общест-

вах в последние годы, подтверждают известный тезис, аргументированный Энтони Ричмондом [1], об интенсификации в современном мире малых коммуникативных социальных сетей, которые формируются под влиянием активной миграции и способствуют развитию *периферийного языкового и этнического национализма* как притязаний на этническую (в том числе этноязыковую, этнорелигиозную) исключительность и территориально-политическую самостоятельность этнических и языковых меньшинств. Оживление периферийного национализма провоцирует национализм “большого” общества (сербского, молдавского, российский, французского, немецкого и т. п.). В результате крешущая этнизация политики и политизация этничности, к которым возвращается Европа, становятся вызовом для исследователей и политиков, причем вызовом со стороны, казалось бы, ушедших в прошлое со времен Второй мировой войны проблем. В реальности данные проблемы в современном контексте приобретают новые черты, в рамках которых межэтнические отношения и периферийный национализм обретают актуальное значение как для практической политики, так и в дискурсе социальных наук. В связи с этим понимание разных аспектов межэтнических конфликтов и периферийного национализма как обратной стороны интенсивной миграции и усиления прозрачности национальных границ становится принципиально важным для дальнейшего формирования социальных отношений как в Европе вообще, так и в Украине в частности.

В данной статье будут проанализированы отдельные случаи стратегий развития межэтнических отношений на примере некоторых турецких и татарских общностей, пытающихся более или менее успешно в последние годы устанавливать множественные социальные связи с доминантными (“большими”) обществами в конкретных европейских национальных границах. В основе статьи лежат результаты международного проекта “Сравнение социетальной интеграции турецких и им подобных меньшинств: институциональные стратегии в ИНТАС и ННГ”, реализованного при поддержке фонда Европейского Союза¹. Основной задачей исследования была диагностика специфики и перспектив развития стратегий социетальных взаимодействий недоминирующих этнических общностей с “большим” обществом в рамках национально-территориальных границ в различных социальных (в широком смысле слова) условиях. Попытаемся на основе сравнения отдельных случаев определить подобию и различия в таких стратегиях и их возможное влияние на процессы социетальной интеграции в данных обществах.

¹ Проект ИНТАС № 04-79-7018 выполнен в 2005–2007 годах с участием исследовательских команд из ФРГ, Болгарии, Молдовы, Российской Федерации и Украины. Принципиальный координатор проекта — проф. Н.Генов (Свободный университет Берлина, ФРГ); руководитель сравнительной мониторинговой части и украинской команды — проф. О.Куценко (Харьков); руководитель российской команды — проф. Н.Головин (Санкт-Петербург); руководитель молдавского поля — проф. В.Турчан (Кишинев); руководитель болгарской команды — проф. Я.Янакиев (София). В исследовании украинского поля также приняли участие исследователи кафедры политической социологии Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина С.Бабенко, Л.Хижняк, О.Даниленко, А.Литовченко, И.Титарь, В.Шерстобоев, И.Колодий, Е.Мурадян, А.Марченко. Первичные результаты проекта с участием автора представлены в специальном издании сборника научных докладов Свободного университета Берлина и в коллективной монографии [2; 3].

Характеристика этнонациональных случаев как объекта исследования

В рамках проекта для исследования было выбрано пять особых случаев межэтнических взаимодействий, которые составили эмпирическую базу для сравнительного анализа и выводов.

- Группа **этнических турков** в Болгарии, представляющая собой традиционное национальное меньшинство с преимущественно исламской религиозной идентичностью и исторически связанная с экспансией Османской империи в Европе в Средние века. После серьезного межэтнического напряжения в течение 1980-х годов, последующих очень сложных процессов социальных изменений и дифференциации в обществе, к настоящему времени между этнической группой турков (второй по численности в стране) и титульным этносом сложилось относительное взаимное понимание. Довольно успешно реализована политическая репрезентация турецкой этнической группы в государственных институтах. Однако текущие события, связанные с вовлечением националистических движений и партий, свидетельствуют о скрытом межэтническом напряжении в болгарском обществе.
- **Туркоязычная группа мигрантов** в Германии (Берлин), конституирующая новую (алохтонную) группу в “принимающем” обществе. Проблемы интеграции данной группы стали следствием западногерманского “экономического чуда” 1960-х годов. Быстрое экономическое развитие страны побудило активную трудовую миграцию в страну лиц преимущественно турецкого происхождения. В силу исторических обстоятельств и вопреки условиям приглашения на работу большинство мигрантов остались жить в Германии. По своему статусу группа конституционно не признается как этническое меньшинство. Однако многочисленные турецкие (и курдские) этнические общности в стране и специфика их культурных традиций, экономического положения и политической репрезентации оказывают существенное давление на процессы социетальной интеграции в “принимающем” немецком обществе.
- **Гагаузы** в Молдове (Автономная Республика Гагаузия) также представляют собой традиционное туркоязычное меньшинство в данной стране, однако, в отличие от турков в Болгарии, — с христианской религиозной идентичностью. На примере этой группы мы можем увидеть особый случай этнизации политики, который имеет место после распада СССР. Во избежание нового межэтнического напряжения после кровавых конфликтов в Приднестровье правительство Молдовы приняло решение о предоставлении политической автономии гагаузам в рамках Республики Молдова. Однако ситуация в АР Гагаузия до сих пор существенно зависит от развития процессов как внутри, так и за пределами страны.
- **Этнические татары** в Российской Федерации представляют собой совершенно иной случай, будучи меньшинством в Федерации и, в то же время, местным большинством в Автономной Республике Татарстан (53% населения, в то время как русского населения 41%). Данная республика пережила очень сложный, однако, в основном, мирный и успешный процесс взаимного понимания и кооперации местного татарского этнического большинства с местным русским этническим меньшинством и с обществом Российской Федерации в целом. Вместе с тем

и сегодня в отдельных событиях заявляют о себе угрозы этнически обусловленного экстремизма.

- **Крымскотатарские** репатрианты в Украине, Автономная Республика Крым. До сих пор нельзя говорить о достижении в АР Крым более или менее приемлемой стабилизации межэтнической ситуации, которая является продуктом многовековой борьбы за территорию полуострова между Турцией (в прошлом — Османской империей), Крымским Ханством, Россией и Украиной. Сегодня доминирующим населением в Крыму являются этнические группы русских и украинцев. Крымские татары, которые в 1944 году были насильственно депортированы из Крыма в регионы Центральной Азии бывшего СССР (Узбекистан, Казахстан) и в Сибирь, с конца 1980-х годов стали активно возвращаться на историческую родину, составив ко второй половине 2000-х 14% от общей численности населения АР Крым (третья по численности группа). За репатриацией данной этнической группы последовал взрыв социальных, политических, гражданских и экономических проблем, связанных с потребностями ее обустройства на данной территории и социетальной интеграции. Будущее развитие социальных отношений в крымском сообществе предвидеть сложно, поскольку до сих пор широко распространенными и политически влиятельными остаются намерения представителей крымских татар утвердить собственную этническую доминацию на данной территории.

Несмотря на существенные различия локальных ситуаций и позиций этнических общностей, выбранных для исследования в каждой стране, комбинация внутренних и внешних факторов, определяющих нынешнее состояние и динамику межэтнических отношений, позволяет выделить и изучить ключевые вопросы, имеющие прямое отношение к исследовательскому проекту, а именно: *какими способами этнические общности и их элиты воспринимают и интерпретируют собственное состояние и пытаются управлять его изменением* [3, с. 8–9]. Стремятся ли элиты этнических общностей получать краткосрочные выгоды и избегать потенциальных потерь во взаимодействии с “большим” обществом или, наоборот, в их стратегиях и реакциях доминируют долгосрочные рациональные интересы? Стремятся ли представители этнических общностей достичь индивидуальных успехов и избежать индивидуальных лишений или в их действиях доминируют коллективные этнические идентичности и стремление к солидарности?

Методы исследования и характеристика базы данных

Полевое исследование проведено в период с 1 октября 2005-го по 31 декабря 2006 года. С целью систематического описания, объяснения и прогнозирования ситуации, связанной с межэтническими взаимодействиями и социетальной интеграцией в исследовании был использован метод триангуляции, опирающийся на инструменты *мониторинга событий, контент-анализа печатных текстов и глубинного интервью*. Для более адекватного сбора и интерпретации национальных данных использованные в исследовании индикаторы прошли первичную проверку, осуществленную национальными командами, которые также провели и первичный анализ данных, после чего предпринималось сравнение данных и анализ агрегированных

результатов. Ниже приведена краткая характеристика методов и соответствующих баз данных.

1. **Мониторинг событий** был направлен на систематическую регистрацию и анализ тех событий и реакций на них, которые связаны с вовлечением соответствующих этнических общностей в конкретных странах и которые представлены в публикациях за период наблюдения¹. В каждом национальном случае на протяжении периода исследования было проанализировано не менее 18 печатных источников, в которых отбирались соответствующие статьи (см. табл. 1). Выборка осуществлялась по следующим статусным признакам печатных источников:

- национальный — региональный — местный статус;
- официальный — оппозиционный статус;
- трибуна данной этнической общности — источник, не относящийся к данной этнической группе.

Таблица 1

Количество статей, имевших отношение к изучаемым этническим общностям: межэтнический мониторинг

Национальные случаи	Первая волна, 01.10.2005–31.03.2006	Вторая волна, 1.10.2006–31.12.2006	Всего
Болгария (турецкое этническое меньшинство)	93	35	128
Германия (туркоязычное меньшинство в Берлине)	9	45	54
Молдова (гагаузы)	266	121	387
Российская Федерация (татары в АР Татарстан)	90	101	191
Украина (крымские татары в АР Крым)	158	63	221
Всего	616	365	981

Понятие *события*, использованное в методологии данного исследования, определено в рамках традиций “метода экстенсивной абстракции” Альфреда Уайтхеда (A.N.Whitehead), анализа историй жизни или событий истории (event-history or life-course analysis), а также подхода символической интерпретации. Эта традиция предлагает видеть событие как прерывное и основанное на социальном действии изменение или как конкретные обстоятельства социального взаимодействия в данном месте и времени. Согласно Н.Луману, событие можно рассматривать как объект коммуникации, который сохраняется в воспоминаниях в качестве некоторого согласованного набора обстоятельств или изменений и имеет вероятностный характер, с точки зрения его размещения во времени и пространстве [5]. С целью ограничения трудностей, связанных с разделением в процессе исследования перекрещивающихся событий, в анализе текстов был использован принцип *недубликации*, который утверждает, что “x”-событие и “y”-событие должны анализироваться отдельно, если основные элементы события “x” не являются основными элементами события “y” (и наоборот).

¹ Метод, использованный в исследовании, подробно описан в [4].

Аналитическая схема описания и интерпретации событий и реакций на них включала следующие ключевые параметры. **Первый** параметр касался идентификации и характеристики акторов, вовлеченных в событие (индивидуальные или коллективные акторы и их позиции как в социальной структуре, так и в цепи событий). **Второй** параметр — пространственная и временная локализация события (его отношение к местному, региональному или национальному уровню общественных взаимодействий; его природа как разового или повторяющегося, кратковременного или долговременного). С учетом специфической цели сравнительного исследования **третий** аналитический параметр включил описание и интерпретацию содержания событий и реакций на них, с точки зрения их конфликтности (неконфликтные, малоконфликтные, высококонфликтные). События, анализируемые в публикациях, часто сопровождалось ответными реакциями, которые различались в зависимости от важности события для общества и конкретных социальных групп. Поэтому **четвертым** параметром анализа стали характеристики публичной представленности реакций на конкретные события, соответствующая чувствительность политики государства, региональных и местных органов власти, а также издательств. Данный параметр включает следующие индикаторы: *форма реакции и акторы*, чьи реакции представлены; *содержательная оценка реакций на события* (эмоциональная окрашенность, установка на поддержку или протест против события, использование этнических и исторических стереотипов, конструктивность реакции). Наконец, **пятый** параметр связан с оценкой степени риска события в локальном, национальном и межнациональном измерениях, определением его субъектов, а также локализации риска в конкретных сферах социальных взаимодействий.

Комбинированный анализ событий и реакций на них на основе этих параметров дал возможность достаточно глубоко идентифицировать и интерпретировать события в рамках периода исследования.

2. **Контент-анализ** ведущих газет, представляющих официальную точку зрения на ситуацию межэтнического взаимодействия с участием конкретной этнической общности в соответствующем политическом пространстве. Использование данного инструмента, основы которого были разработаны Санкт-Петербургской и Казанской группой исследователей, позволило сфокусировать внимание на позициях государственных (как национального, так и, при необходимости, регионального масштаба) институтов в исследуемых обществах¹. Источниками информации стали: в Болгарии — наиболее популярная болгарская газета “Труд”; в Германии — “Berliner Zeitung”, официальная и популярная газета среди образованного среднего класса германской столицы; в Молдове — всемолдовская газета “Moldovan” и русскоязычная региональная газета “Вести Гагаузии”; в России — официальная русскоязычная газета “Республика Татарстан”; в Украине — официальная газета “Голос Украины” и русскоязычная региональная газета Верховной Рады АР Крым “Крымские известия” с еженедельным приложением “Крымский диалог”. Только за первую волну исследования (октябрь 2005-го — март 2006 года) было проанализировано в общей сложности 624 статьи. По Украине общее количество анализируемых материалов за весь период исследования составило 64 статьи.

¹ Более подробное описание инструментария и результатов его применения см.: [6].

Структура инструментария включала следующие параметры, описывающие ситуации межэтнических взаимодействий. **Первый** параметр касался формы представленных публикаций в газетах (информация о фактах, комментарии, доклад по проблеме, аналитический материал, интервью и др.). **Второй** параметр контент-анализа раскрывал целевой характер публикации (нейтральный, направленный на формирование или изменение общественного мнения по проблеме, предложение по ее разрешению). **Следующие** параметры отражали политическую трактовку проблемы (масштабы, сферы направленности и т. п.), представленность и интерпретацию в связи с проблемой межэтнического конфликта, стремление к политической манипуляции с помощью публикации и ее языка.

3. **Глубинное интервью** проведено с успешными представителями (элитой) соответствующих этнических общностей, которые достигли высоких позиций в экономике, политике и культурной жизни. Данные представители рассматривались как наиболее квалифицированные эксперты, способные дать оценку ситуации и перспективам социетальной интеграции изучаемой этнической общности. В каждой стране было проведено не менее 30 интервью, структурированных вокруг нескольких ключевых проблем. Интервью начиналось с вопросов по биографии респондента, среди которых наиболее интригующими были вопросы о путях достижения высокого статуса респондентом в очень разных экономических, политических и культурных условиях. Далее внимание уделялось текущему состоянию соответствующей этнической группы; третий блок вопросов интервью был сфокусирован на прожективных вопросах по поводу желаемых этнических характеристик тех, с кем приходится сотрудничать, по поводу официального статуса родного языка респондента и желаемого политического статуса его (ее) этнической по происхождению группы.

В результате полученных национальных баз данных наиболее серьезной методологической проблемой стал сравнительный анализ и генерализация контекстуальных данных, относящихся к существенно различающимся случаям, что, замечу, является постоянной проблемой любых сравнительных исследований, особенно в рамках данной *case-oriented* стратегии¹. В частности, подобного рода методологические проблемы стали предметом специального обсуждения на страницах 21-го выпуска журнала “International Sociology” за 2006 год [7].

Теоретические предпосылки исследования

Изучение стратегий межэтнических взаимодействий было предпринято в рамках концепции неравенства в доступе к социально значимым ресурсам (более конкретно — этнической стратификации) и концепции социетальной интеграции, акцентирующей внимание на механизмах взаимного “сцепления” индивидов, социальных групп и общества. Процесс социального “сцепления”, характер межэтнических отношений определяющим образом зависит от факторов и глубины социальных неравенств между этничес-

¹ Альтернативная количественная *variable-oriented* стратегия, направленная на сравнительное изучение системы показателей, в силу ее более высокого абстрагирования от особенностей отдельных случаев представляется менее проблемной в анализе, но не в интерпретации данных.

кими общностями в конкретном обществе, определяющих жизненные шансы их представителей. Современная социология обязана таким пониманием концептуальным разработкам М.Вебера, определившего стратификацию этнических групп в терминах шансов реализации специфических традиций и привычек, использования языка, поддержки кровного родства, общей истории и этнической гордости [8].

Концепция социетальной интеграции описывает процесс включения взаимодействующих акторов в систему взаимных связей, который в идеале направлен на преодоление неравенства, развитие и использование равных возможностей и прав для всех взаимодействующих субъектов. Будучи социально интегрированными, индивидуальные и коллективные акторы способны улучшать свои жизненные возможности, формировать или усиливать идентичность, развивать условия для более успешной кооперации. Использование данного концепта в таком направлении, по сути, означает его близость к понятиям социальной справедливости, равенства, благосостояния и демократической свободы.

Как известно, пионерскими работами в эмпирическом изучении этничности и социетальной интеграции локальных сообществ с различным этническим происхождением стали исследования Чикагской школы социологов, в рамках которых Р.Парк и Э.Берджен выделили несколько фаз и механизмов в развитии отношений сцепления между локальной общностью и “доминантным” обществом: механизмы аккультурации (принятия языка, норм и ценностей доминантного общества) и амальгамации (этнично смешанных браков), обеспечивающие развитие интеграционных процессов от фазы кооперации, аккомодации, конкуренции до ассимиляции [9]. С точки зрения данных авторов, действие таких механизмов в третьем поколении мигрантов способно привести к полной интеграции (ассимиляции) их представителей в социальную структуру доминантного общества с его нормами, ценностями и поведенческими моделями.

Вместе с тем, последующие исследования показывали неоднозначность выводов представителей Чикагской школы и возможность разных путей и результатов межэтнических взаимодействий. Важным вкладом в понимание данных процессов является вывод Д.Локвуда о необходимости различать *системную интеграцию*, отражающую отношения между социальной общностью и различными частями социальной системы (ее институтами и культурой), и *социальную интеграцию*, имеющую отношение к системе индивидуальных и коллективных акторов, взаимному проникновению их норм и ценностей [10]. При этом, согласно Д.Локвуду, социальная интеграция может существовать без системной интеграции, однако оба эти процесса взаимно усиливают друг друга. Эти выводы получили подтверждение в исследованиях мультикультурализма, предпринятых канадскими учеными и их последователями в недавнее время¹.

Сегодня можно считать доказанным наличие множественности путей и форм социетальной интеграции локальных общностей и “доминантного” общества. В частности, в этом направлении одной из ярких концептуальных разработок является концепция аккультурации Дж.Берри [11], выделяющая четыре основных типа аккультурации:

¹ См.: [3, с. 97–98].

- *социетальная интеграция*, предполагающая сохранение оригинальной идентичности и культуры всеми взаимодействующими общностями наряду с созданием новых межкультурных форм совместного сосуществования;
- *маргинализация* как потеря общностью оригинальной идентичности и культуры наряду с отсутствием развитых межкультурных контактов;
- *ассимиляция*, связанная с утратой этнической общностью оригинальной идентичности и культуры наряду с развитием межэтнических связей;
- *сепаратизация*, проявляющаяся в отвержении общностью и контактов с другими, и культуры “доминантного” общества для сохранения оригинальной культуры.

Данные типы нами рассматриваются как вероятностные модели межэтнических взаимодействий изучаемых в данном исследовании общностей и соответствующих “доминантных” обществ, а также как модели стратегий, инициируемых и реализуемых успешными представителями данных этнических общностей в конкретных обществах.

Социетальная интеграция как результат человеческих намерений и действий, не свободных от структурных и культурных условий социальной системы, проявляется на *индивидуальном, общественном и институциональном* уровнях социальных взаимодействий. Данные проявления можно рассматривать как относительно независимые, однако, по Локвуду, взаимно усиливающие друг друга. Понимание проблем, сопровождающих процессы социетальной интеграции на разных уровнях их проявления, невозможно без учета их исторического, культурного контекста, а также особенностей социальных отношений в общности и в обществе, связанных с удовлетворением важнейших социальных потребностей. Следуя за концепцией условий солидарности Э.Олларда [12], можно предположить, что (не-)удовлетворение важнейших потребностей индивидуального и общественного характера

- *иметь* (обладание ресурсами, обеспечивающими стандарты жизни, а также возможности их достижения, как, например, работа и доход);
 - *любить* (наличие социальных сетей и эмоциональной поддержки, включая семью, детей, друзей и т.п.);
 - *быть* (общее признание и социальное участие)¹ —
- будет существенно влиять на характер социетальной интеграции.

¹ Выводы Э.Олларда получили развитие в проекте исследования качества жизни в Европе, по результатам которого, в частности, были уточнены показатели важнейших потребностей и факторы их актуализации [13, с. 57–58]. Так, Петра Бонке интерпретирует потребность “*иметь*” показателями наличия занятости, жилья и качественного образования, делая вывод об их высокой значимости для всех европейских стран в качестве условий, способствующих социетальной интеграции и высокому качеству жизни. Удовлетворение потребности “*любить*” по-разному проявляется в разных типах европейских обществ. Так, если для недавно принятых в ЕС стран и стран — кандидатов в ЕС на момент исследования (2004) важнейшими показателями потребности “любить” являются показатели семейной жизни (жить с партнером и иметь детей), то для стран “ядра” ЕС, наряду с данными признаками, потребность “любить” значимо реализуется и за пределами семейной жизни (проведение свободного времени, общение с друзьями). Для последней группы обществ, в отличие от предыдущих, а также тех групп людей, которые испытывают материальные лишения, также высоко значимыми являются показатели потребности “*быть*” — социальное участие и признание (чувство признания обществом в сочетании с участием в различного рода общественных объединениях).

Таким образом, мы предполагаем существенную зависимость путей и форм социетальной интеграции от системных экономических, гражданских и политических предпосылок, вовлеченности общности в культурную жизнь и принятия ее представителями норм и ценностей доминантного общества. Институциональное качество общества, или “жизненность” его среды, способной удовлетворять важнейшие потребности, а также содержание доминирующих социальных интересов и конфликтов как внутри локальной общности, так и в обществе в целом выступают важными условиями развития социетальной интеграции.

Страны, вовлеченные в данное исследование, существенно различаются по показателям институционального качества и системной интеграции (см. табл. 2).

Таблица 2

Население и качество национальных институтов

Показатели	Болгария	Германия	Молдова	Россия	Украина
1	2	3	4	5	6
1. Население (млн чел.), 2006 год ^a	7,7	82,5	4,2	143,0	47,1
2. Доля исследуемой этногруппы к населению, 2006 год ^a	9,4 % (турки)	2,0 % (турко-язычные)	менее 5 % (гагаузы)	3,8 % (татары)	0,5 % (крымские татары)
3. Ожидаемая продолжительность жизни (годы), 2006 ^a	72	79	68	66	68
4. Изменение продолжительности жизни (в годах и % в 2002-м к 1989 году) ^a	0,31 года/ +0,44%	Нет статистики	-0,55 года/ -0,81%	-3,57 года/ -5,16%	-0,59 года/ -0,86%
5. Категория страны по доходу (в рангах по методологии Всемирного банка), 2006 год ^b	Ниже среднего	Высоко-доходная	Низко-доходная	Выше среднего	Ниже среднего
6. ВВП на душу населения, в долларах США, 2006 год ^a	2,130	25,270	590	2,610	970
7. Неформальная экономика (% ВВП), 2005 год ^b	36,9	16,3	45,1	46,1	52,2
8. Индекс политической стабильности и отсутствия насилия (PV; -2,5 — худший результат, +2,5 — лучший результат), 2006 год ^d	0,29	0,83	-0,48	-0,74	-0,27
9. Индекс эффективности правления (GE; -2,5 — худший результат, +2,5 — лучший результат), 2006 год ^d	0,14	1,52	-0,85	-0,43	-0,57

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
10. Гражданские свободы (1 – наиболее свободные, 7 – наименее свободные страны), 2007 год ^c	2	1	4	5	2
11. Политические права (1 – наиболее широкие права, 7 – наиболее ограниченные права в стране), 2007 год ^c	1	1	3	6	3
12. Индекс восприятия коррупции (1 – наиболее коррумпированные, 10 – наименее коррумпированные страны), 2007 год ^e	4,1	7,8	2,8	2,3	2,7

Примечания:

^a Данные Евростата [14].

^b Расчеты Всемирного банка [15].

^c Индексы измерены по методологии Freedom House, отражают общую оценку, основанную на результатах опроса в стране. Методологию см.: [16].

^d Показатели измерены по методологии Всемирного банка. **Индекс политической стабильности и отсутствия насилия (PV)** отражает восприятие вероятности того, что правительство конкретной страны будет дестабилизировано или свергнуто неконституционным, насильственным путем (как посредством насилия внутри страны, так и посредством терроризма). **Индекс эффективности правления (GE)** отражает качество публичной сферы, качество обслуживания граждан государством и степень их независимости от политического давления, качество государственных программ и их реализации, веру в приверженность правительства такой политике. Границы индексов $1 > I > 7$ соответствуют 0,005 и 0,995 перцентилем стандартного нормального распределения [21].

^e Индекс восприятия коррупции по методологии Барометра глобальной коррупции, ежегодно измеряющего масштабы и формы влияния коррупции на жизнь граждан в конкретных странах. Индекс основан на изучении мнений экспертов и лидеров бизнеса в данных странах [22].

Развивая идею Д.Локвуда, можно предположить, что в случае низкого уровня институциональной эффективности и системной интеграции в конкретном обществе процесс социетальной интеграции локальной общности может развиваться в сторону усиления внутригрупповой сплоченности как реакции на слабую общественную интеграцию и неэффективность институциональной системы. Однако взаимодействие институтов, индивидуальных и общественных интересов и действий не позволяет рассматривать социетальную интеграцию как простую причинную реакцию. Люди остаются относительно свободными в своих личностных выборах в рамках определенных структурных и культурных ограничений и возможностей. И если социальные институты не способны обслужить индивидуальные / общественные интересы и потребности, люди могут созидать новые возможности, призванные обезо-

пасить их в ситуации провалов институциональных поддержек в повседневной жизни. В результате происходит дубликация социальной реальности, на основании чего могут получить развитие “*параллельные общества*”¹ с собственными регулятивными и поддерживающими механизмами. Такая социальная реальность по своей природе не может быть продолжительно стабильной, но в определенные периоды способна удовлетворять важнейшие потребности людей более эффективно, чем испытывающие дефицит качества институты общества. И, что для нас особенно важно, такая реальность может производить специфические следствия на путях социетальной интеграции, ведущие к *сепаратизации и развитию параллельных обществ*.

Актороцентрированное описание межэтнических взаимодействий

Исследование стратегий социетальной интеграции предполагало фокусирование внимания на отношениях между акторами, их действиями и институтами, имеющими отношение к проблемам изучаемых этнических общностей. Изменяющиеся институциональные возможности в обществе рассматривались как фильтр, через который соответствующие акторы пытаются разрешать свои проблемы и, вместе с тем, получают новые вызовы своим интересам и стратегиям. Именно в коммуникации между актором и институциональной системой события действия приобретают свою пространственную и временную определенность, проявляются как столкновение интересов актора и его последующих действий, определяемых конкретными правилами, ценностями и возможностями. Анализ события сквозь призму вовлеченных в него акторов позволяет приоткрыть структуру доминирующих социальных интересов и позиций доминации внутри определенного пространства коммуникации. А сравнение различных национальных случаев помогает увидеть особенности действия и контекст взаимодействия между акторами и институтами.

Какие акторы оказались в фокусе наблюдаемых событий в процессе исследования? Анализ данных, представленных в таблице 3, показывает существенные различия между наблюдаемыми обществами-странами и позволяет их разделить на три качественно различающиеся группы — Германия, постсоветские страны и Болгария.

Несмотря на быстро растущий интерес к туркоязычным группам в *Германии*, по результатам исследования оказалось, что данный интерес не “материализован” в большом количестве публикаций в мониторинговый период, что не позволило анализировать данный случай по этому показателю.

Согласно приведенным результатам, в *Молдове, России и Украине* доминирующие участники этнособытий условно могут быть разделены на две группы:

- ***публичные институциональные акторы*** (представители местной, региональной, общегосударственной власти и соответствующие институты);
- ***индивидуальные акторы*** (как “успешные”, так и “рядовые” представители этногруппы).

¹ Термин получил развитие в последние годы и используется для описания феномена двойного социального ограждения, контактов между локальным доминантным обществом и иммигрантской общиной [20].

В то же время, все иные акторы-посредники между институциональными и индивидуальными участниками остаются в этих обществах на периферии межэтнических взаимодействий. Такой вывод имеет отношение как к изучаемым этногруппам в целом и другим этногруппам, так и к политическим и общественным организациям, партиям, движениям, а также предприятиям. Кроме того, несмотря на широкую представленность исторических и культурных событий в анализируемом материале, «голос» культурной элиты этногрупп в исследуемых постсоветских странах остается очень слабым. Но на основании анализируемых данных не вполне понятно, насколько этот вывод отражает реальность этновзаимодействий, или же он в большей мере отражает особенности публичного дискурса.

Таблица 3

Основные участники событий, имевших отношение к конкретным этнообщностям (мониторинг за октябрь 2005-го — декабрь 2006 года), множественные альтернативы, %

Основные участники:	Болгария	Германия	Молдова	Россия	Украина
1. «Рядовые» представители этнообщности	9,4	15,4	36,4	21,1	28,9
2. Лидеры, успешные представители этнообщности	32,8	17,3	33,8	35,1	24,4
3. Этногруппа в целом	1,6	9,6	12,6	0,0	4,9
4. Другие этногруппы	3,1	36,5	2,3	1,8	8,4
5. Этнически ориентированные партии, движения	8,6	7,7	2,6	7,6	9,8
6. Другие политические партии, социальные движения	12,5	1,9	1,8	5,3	8,4
7. Религиозные организации, движения	12,5	3,8	0,5	10,5	4,0
8. Предприятия, фирмы, корпорации, др.	0,8	3,8	11,0	7,0	7,6
9. Местная власть	3,1	7,7	49,7	38,6	29,3
10. Национальные, региональные политические институты	14,1	17,3	16,9	36,8	39,1
11. Международные участники	5,5	15,4	10,0	19,9	11,6
Всего	N = 128	N = 54	N = 387	N = 191	N = 221

Особым представляется случай *Болгарии*, где, согласно данным исследования, **публичная власть и институты** на всех уровнях взаимодействия играют доминирующую роль в культивации межэтнических отношений. Активную позицию, хотя и менее выраженную, в этом обществе занимают также **политические партии и религиозные организации**.

Анализируемые данные высвечивают принципиальный вопрос относительно степени соответствия событий и их репрезентации в публичном дискурсе. Определенные сомнения по этому поводу возникли при рассмотрении случаев крымских татар в Украине и турецкой общности в Болгарии.

Данные этногруппы имеют хорошо развитые общественные и политические организации с сильными институциональными традициями посредничества между государством и соответствующей этногруппой. Это утверждение было проверено в ходе глубоких интервью с экспертами и контент-анализа официальной прессы. Случай Украины в этой связи оказался особенно показательным: в анализируемом массиве статей не оказалось ни одной публикации об активности Меджлиса и Курултая как высших органов регионального и местного самоуправления крымских татар, избираемых голосованием всеми представителями крымскотатарского народа. Анализ случая Болгарии показывает иную картину: масса публикаций в отношении активности Турецкой демократической партии и движения “Millet-Trakia”, направленной на придание турецкому языку статуса официального языка в Болгарии. Несмотря на различия, оба эти случая обнажают две разные и, вместе с тем, перекрещивающиеся стратегии, представленные в опубликованном медиа-дискурсе. Одна из стратегий связана с игнорированием конкретных публичных фигур (лидеров или институтов этногруппы), “неудобных” для публичного системного дискурса. Другая — нацелена скорее на провоцирование общественного скандала, чем на глубокое обсуждение проблем межэтнических отношений и социетальной интеграции в обществе.

Масштаб и нарративы этнособытий

Национальные случаи также существенно различаются по масштабу представленных событий, имеющих отношение к соответствующим этническим общностям. Если для событий, связанных с туркоязычной общностью мигрантов в Германии, в большей мере характерен международный (41%) и, реже, национальный фокус (32%), то фокус обсуждения проблем турков в Болгарии охватывает преимущественно национальный (56%) и, реже, региональный (23%) уровни. В то же время, медиа-репрезентации проблем крымских татар и гагаузов обнаруживаются чаще на региональном (в рамках страны) уровне. В отличие от всех предыдущих случаев, проблемы татар в Татарстане / России представлены с подобной интенсивностью как на международном, национальном, так и на региональном уровне.

Сравнительный анализ основных проблем публикаций также обнаруживает национальные особенности. Так, очевидно, что обсуждение проблем, связанных с туркоязычными общностями в Берлине, в полной мере происходит в контексте европейского дискурса и, вместе с тем, погружается в специфические этнокультурные требования, выражаемые в адрес доминантных культурных форм “принимающего” общества¹.

¹ К примеру, медиа-реакции на массовые беспорядки в Париже в 2005–2006 годах с участием молодых мигрантов из исламских стран и публичное критическое обсуждение карикатур на пророка Мухаммеда, опубликованных в датской газете в 2005-м, подтолкнули общественность к публичной дискуссии о требовании использования немецкого языка как единственного языка для общения в одной отдельно взятой берлинской школе, в которой значительную часть составляют выходцы из туркоязычной общности, или — другой пример — стимулировали дискуссию о явлении убийства как способа отстоять честь, в связи с убийством женщины турецкого происхождения, которая “обесчестила” семью (в этом случае убийство частично оправдывалось согласно Турецкому уголовному праву).

Дискуссии, связанные с проблемами турков в Болгарии, преимущественно связаны с политическим, религиозным, культурным представительством этой группы на национальном уровне, включая столкновения на этой почве, инициированные иными представителями данного общества. В данном случае общеевропейский контекст так же, как и в Германии, присутствует (к примеру, статьи-реакции на упомянутые в примечании карикатуры, и пр.), однако представлен с заметно меньшей интенсивностью.

В отличие от этих национальных случаев, проблемы, связанные с *крымскими татарами и гагаузами*, оказались представленными во всех типах событий и реакций на них: экономического, культурного, исторического, социального, политического и законодательного характера, на региональном и национальном уровнях. Вместе с тем медиа-дискурс в отношении интеграционных проблем данных этнообщностей не вызывает международной коннотации или параллелизма с мусульманскими или турецкими общностями в иных европейских странах.

Четким выглядит медиа-нарратив событий, имеющих отношение к татарам в республике Татарстан, представляющим собой нациеформирующую группу в данном обществе в рамках Российской Федерации. Согласно собранным данным, этот нарратив выглядит так, словно только проблемы татарской культуры являются достойными широкого общественного внимания в республике. Соответствующие культурные события пронизывают локальный, регионально-республиканский, национальный и международный контексты и размещают доминантную группу татар в центре широких социальных взаимодействий. На этом фоне звучат диссонансом отдельные публикации об активности нелегальных исламских организаций в Татарстане или о столкновениях по поводу контроля над собственностью (к примеру, о конфликте между республиканским правительством и почтовой компанией “Россвязь”). Таким образом общественные страхи, вызванные подобными событиями, прикрываются изобильными культурными материалами, усиливающими массовые позитивные установки на происходящее в целом.

Анализ данных случаев позволяет предположить, что шкала репрезентации событий строго зависит от характера (в том числе стратегий) социального проникновения этнической общности в “доминантное” общество.

Интеграция или конфликт интересов?

Конфликт интересов, их столкновение неизбежны в процессе межэтнических взаимодействий. Многовековая история социальных миграций и, как следствие, неизбежных интеграционных процессов переполнена такими событиями, проявляющимися в разных формах и с разной интенсивностью. Согласно выводам Г. Зиммеля и Л. Козера [17], конфликт может иметь не только разрушительные, но и позитивные последствия для социальной стабилизации и кристаллизации ранее слабо структурированных социальных групп. В общностях, которые являются дезинтегрированными, частный внутригрупповой конфликт может восстановить интеграционное ядро, способствовать социальному сцеплению через серию альянсов с другими группами — участниками взаимодействия. Конфликты внутри общества, группы могут активизировать отдельных “рядовых” индивидов, сделать бо-

лее прозрачными и понятными позиции участников-конкурентов. Однако, как и в случае корреляции между системной и социальной интеграцией (по Локвуду), нельзя говорить о том, что между социальным конфликтом и социальным сцеплением как возможным следствием конфликта существует прямая связь. Разрешение конфликта зависит от множества факторов, таких, в частности, как насильственные или ненасильственные формы конфликта, желание противников прийти к соглашению и пр. С этой точки зрения, конфликтные характеристики событий, имеющих отношение к изучаемым этническим общностям, следует рассматривать как важный показатель стремления общности к социальному сцеплению, интеграции с комплексным “большим” обществом. События, содержащие конфликт, могут маскировать проявления более опасных конфликтов, способных расколоть общество по дихотомическим интересам.

Как выглядят национальные случаи в данном аспекте? Анализ материалов позволяет утверждать, что во всех случаях, за исключением Украины, в публично представленных событиях доминируют те, что не содержат конфликтные черты (см. табл. 4). Более того, если конфликт и регистрируется, то обычно имеет слабо выраженный характер.

Таблица 4

**Конфликтность межэтнических отношений:
национальные медиа-дискурсы (октябрь 2005-го — декабрь 2006 года***

Типы событий		Болгария	Германия	Молдова	Россия	Украина	Всего
Некон- фликтные	%	75,8	62,3	91,5	83,0	49,6	76,9
	Частота	97	33	357	156	113	
Слабокон- фликтные	%	24,2	32,1	5,4	5,9	29,8	15,0
	Частота	31	17	21	11	68	
Высококон- фликтные	%	0	5,7	3,1	11,2	20,6	8,1
	Частота	0	3	12	21	47	
Всего	%	100	100	100	100	100	100
Индекс конфликта, $0 < I < 1$		0,121	0,218	0,058	0,142	0,355	0,156

* Индекс конфликта рассчитан по формуле: $I = (0 \times X_1 + 0,5 \times X_2 + 1 \times X_3) / 100$, где X_1 — доля неконфликтных событий; X_2 — доля слабоконфликтных событий; X_3 — доля высококонфликтных событий.

В то же время интенсивность конфликта в обсуждаемых событиях заметно различается в зависимости от национального случая. Так, после насыщенных конфликтами 1990-х годов в Татарстане (Россия), Молдове и, частично, в Болгарии события, связанные с межэтническими взаимодействиями на период исследования, приобрели относительно мирный, неконфликтный характер. Причем немногочисленные конфликтные события в этих странах имели абсолютно ненасильственный характер (в Болгарии) или практически таковой (в Молдове и Татарстане) (см. рис. 1); при этом в Татарстане все же один случай был связан именно с вооруженным конфликтом.

На фоне этих стран очевиден *высокий конфликтный потенциал в межэтнических взаимодействиях с участием крымских татар в АР Крым* (где бо-

лее половины событий описываются как конфликтные, среди которых 21% проявились с высокой степенью интенсивности) и *туркоязычной этнической общности в Германии* (где около 38% случаев оцениваются как конфликтные). Более того, если в Германии межэтнические конфликты имели ненасильственный характер (75%) или проявились как отдельные столкновения (20%), то в Украине ситуация выглядит иначе: 17% конфликтов регистрировались в форме отдельных столкновений, 2% — в виде массовых столкновений и в 7 случаях конфликты привели к насильственным столкновениям. Оба эти случая проявления конфликтов непосредственно связаны с миграционными эффектами (иммиграции и репатриации соответственно), которые практически отсутствуют в случаях Татарстана, Молдовы и Болгарии.

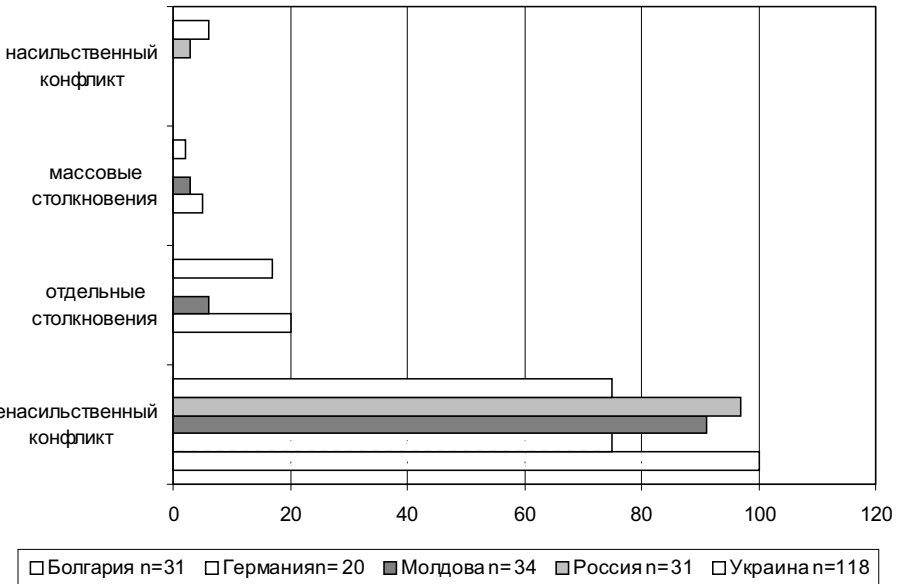

Рис. 1. Формы конфликтных событий, в % к числу зарегистрированных конфликтных событий по национальным выборкам

Какие социальные интересы и проблемы провоцируют конфликтные события? Принимая во внимание небольшое количество зарегистрированных событий во всех национальных случаях, за исключением Украины, мы можем на основе полученных данных очертить только общие направленности (см. рис. 2). Результаты глубинного интервью позволяют уточнить некоторые представления об интересах, определяющих стратегию действий успешных представителей изучаемых этнических общностей [см.: 10]. В этой связи приведу распределение установок элиты данных общностей только по одному важному показателю, отражающему их ориентацию на сепаратизацию общности или социетальную интеграцию с “доминантным” обществом. В ходе интервью представителям элиты соответствующих этнических групп задавался следующий прожективный вопрос: “Представьте, что Вы имеете возможность выбора между нынешней ситуацией и жизнью в суверенном государстве, руководство в котором осуществляется представителями Вашей этнической группы. Насколько для Вас была бы предпочтительна вторая ситуация — очень сильно, сильно, в какой-то степени,

совсем нет? Почему?” Анализ ответов респондентов показал четкое и различное распределение стратегических ориентаций элиты данных этнических групп: с наиболее выраженными установками на политическую доминанцию этногруппы с возможной дальнейшей сепаратизацией, представленную среди крымских татар и, в меньшей степени, среди татар Татарстана, и с установками на принятие существующей системы, в меньшей степени выраженными среди турок Болгарии, гагаузов и в большей — среди туркоязычных групп в Германии (рис. 3).

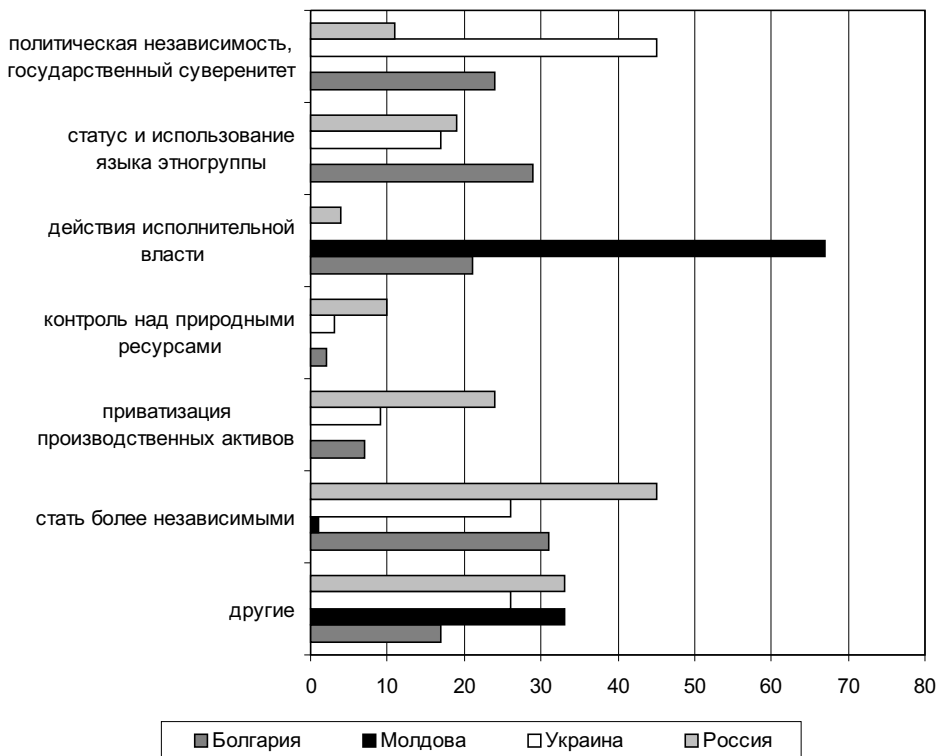

Рис. 2. Основные интересы, провоцирующие конфликтные события* (мониторинг национальных событий, октябрь 2005-го — декабрь 2006 года, %)

* Данные по Германии не представлены в связи с несущественными различиями в процентах.

Рис. 3. Стремление этногруппы к политической доминанции или принятие политического status quo [3, с.116–118]

Вновь замечу, что каждый национальный случай имеет выраженную специфику конфликта интересов. Так, в Молдове наиболее серьезные интересы, провоцирующие конфликт в межэтнических взаимодействиях, связаны не только со стремлением гагаузской этнической общности к большей самостоятельности, но и к ограничению “навязываемой заботы” по поводу их проблем со стороны исполнительной власти (67%). Данный случай предупреждает об опасности чрезмерного институционального давления на этническую общность, принуждающего ее к насильственной интеграции. Последнее, ограничивая свободу этноса, способно провоцировать протестную реакцию его представителей. Если учитывать продолжающийся сложный конфликт между Кишиневом и Тирасполем в Приднестровье (Молдова), возникают глубокие сомнения по поводу эффективности такого вида регулятивной публичной политики, сфокусированной на методах сильного институционального давления.

Иной случай связан с проблемами статуса татар в Татарстане / России. В отличие от рассмотренного молдавского примера, в данном случае выделяются несколько актуальных интересов, провоцирующих напряжение и конфликты в межэтнических взаимодействиях: (1) стремление татарского народа к большей независимости, (2) интересы, связанные с участием в приватизации производственных активов, а также контроле над природными ресурсами, (3) оживление этнической культуры особенно в связи с проблемой статуса татарского языка в Федеративной Республике Татарстан. С одной стороны, эти интересы способствуют развитию напряжения в обществе, с другой — они свидетельствуют об интенсивном процессе социальной интеграции, происходящей при относительно благоприятных институциональных условиях системной интеграции в Татарстане.

Не простым оказался случай Болгарии, демонстрирующий комплекс конфликтных интересов в сфере политической и культурной независимости соответствующей этнической общности, ее стремления к свободе от непомерного вмешательства в частную сферу со стороны исполнительной власти — в отношении статуса этнического языка, а также участия в приватизации (прежде всего, государственных и муниципальных земель для последующего строительства мечетей). Так же как и в Татарстане, в Болгарии этнические интересы, связанные с достижением политической независимости, выражены более заметно, несмотря на относительно высокий уровень гражданских свобод и политических прав в государстве (см. табл. 2). Можно предположить, что один из принципиальных факторов такого состояния связан с историческими, индивидуальными и институциональными условиями социальной интеграции. Если более конкретно, то это может быть связано с общей неудовлетворенностью реализацией таких базовых потребностей, как *иметь* и *быть* (в терминологии Олларда), что заметно усилилось в период непосредственно перед и после присоединения Болгарии к ЕС. Однако для проверки этого предположения нет достаточных данных.

Среди рассматриваемых национальных случаев статьи, описывающие проблемы и интересы крымских татар **в Украине**, не только более часто связаны с межэтническим конфликтом. *В центре конфликта находятся наиболее сложные и угрожающие перспективам социальной интеграции интересы данной группы*, а именно — стремление к политической независимости и государственному суверенитету. Данные интересы прямо связаны с сильными

ми экономическими (особенно приватизация земли), культурными и языковыми интересами, коренящимися в давней и новой истории общности и стимулируемыми внутренними и внешними (по отношению к Украине) группами интересов. Непохоже, что данные конфликтные интересы способны стимулировать межгрупповую социальную интеграцию; наоборот, такие интересы способны подталкивать процессы сепаратизации и вести к обострению межэтнических отношений.

Более того, исследование показывает, что в течение наблюдаемого периода крымскотатарский фактор все более часто использовался в конфликтах интересов по поводу геополитического влияния над территорией полуострова Крым. При этом Крым рассматривается либо как самоценность в происходящей борьбе за доминацию на территории, либо как определенный плацдарм для распространения влияния над прилегающими к Крыму территориями. В этом отношении результаты исследования позволяют утверждать, что в сталкивающихся (с различной интенсивностью) группах геополитических интересов, имеются свои посредники и представители среди успешных членов данной этнической общности. Речь идет об: 1) интересах государства Украина; 2) российских интересах (государства и бизнеса); 3) интересах Турции, имеющей многочисленную крымско-татарскую общину; 4) интересах ислама, связанных с формированием новых зон влияния; 5) интересах США (также имеющих хорошо организованную крымскотатарскую диаспору, поддерживающую финансово, организационно и символически крымскотатарское движение в Крыму), а также интересах Европейского Союза. Данные исследования за наблюдаемый период свидетельствуют о растущем вовлечении международных организаций данных стран в крымскотатарскую ситуацию.

Данные внешние интересы реализуются в активности политических, культурных и религиозных организаций в Крыму, финансово поддерживаемых определенными группами интересов. А ухудшение общей политической ситуации в Украине, заметное в период перманентных избирательных кампаний вплоть до осени 2007 года, только способствовало проникновению таких интересов. С учетом участия внешних интересов в такой деликатной внутренней государственной сфере межэтнических отношений мы видим факторы тревоги в данной ситуации, которые не только не способствуют разрешению конфликта интересов, но, скорее, провоцируют эскалацию неконтролируемого конфликта.

Риски межэтнических взаимодействий

Государственная политика, чтобы быть ответственной и способствовать общественной интеграции и стабильности, должна просчитывать риски, возникающие в социальных процессах. Здесь и далее используется определение риска, предложенное Н.Геновым, а именно: риск как “вероятность дисфункциональных эффектов процессов, происходящих в социальных системах” [18]. Какова вероятность таких дисфункциональных эффектов как следствий межэтнических отношений в изучаемых обществах? Для ответа на данный вопрос использован комплекс индикаторов, связанных с общей оценкой экспертами риска событий, оценкой масштабов и сфер проявления рисков, а также перспектив их ограничения.

Данные мониторинга событий и глубинных интервью показывают, что общая оценка риска событий, представленных в национальных публикациях, прямо связана с оценкой конфликтных характеристик событий. Наиболее высокие показатели риска получили межэтнические отношения с участием туркоязычной общины Берлина / Германии и крымских татар в Крыму — значения индекса 0,360 и 0,320 соответственно (см. рис. 4 и табл. 5).

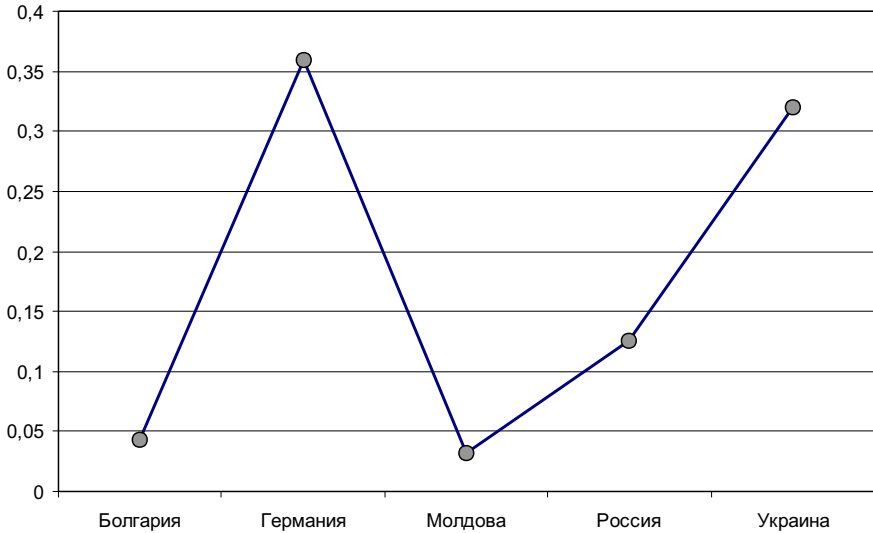

Рис. 4. Оценка риска событий для социетальной интеграции

(национальный медиа-дискурс, октябрь 2005-го — декабрь 2006 года), индексы $0 < I < 1$ (Индекс риска рассчитан по уравнению: $I = (1 \times X_1 + 0,75 \times X_2 + 0,25 \times X_3 + 0 \times X_4) / 100$, где X_1 — доля высокой оценки риска; X_2 — оценка среднего уровня риска; X_3 — доля низкой оценки риска; X_4 — отсутствие риска событий, согласно оценкам.)

В случае Украины риски аккумулируются на региональном уровне, в Крыму (44% высоких оценок риска), и несколько снижаются в отношении национальной системы в целом (23%), местного уровня социальных взаимодействий (19%) и данной этнической общности (14%). Данные риски практически не затрагивают международный уровень, однако несут угрозу гуманитарной (38%) и культурной (26%) сферам социальных взаимодействий в обществе, ухудшая качество внутренней политики (39%) и экономического благополучия (24%).

В Германии ситуация выглядит иначе. Социетальные риски, связанные с туркоязычной общностью, заметно проникли на все уровни социальных взаимодействий: международный (33%), национальный (27%), местный (20%), а также значимы для данной общности (20%). При этом риски касаются не только культурной стороны социетальной интеграции (о чем свидетельствуют 79% случаев). Последнее выглядит особенно тревожным в связи с быстро распространяющимися этнически обусловленными стереотипами (19%) в межэтнических взаимодействиях, имеющих отношение к турецким общностям. Риски также усиливаются в равной мере в отношении геополитической сферы, экономических условий и качества внутренней политики, связанной с системной и социальной интеграцией. Такие риски — как в случае Украины, так и в случае Германии — являются своеобразной «бомбой замедленного действия».

Таблица 5

Основные сферы риска от межэтнического конфликта (национальные случаи)

Национальные случаи		1. Геополитическая	2. Внутренняя политика	3. Экономика	4. Культура	5. Гуманитарная	6. Окружающая среда
Болгария	частота	0	13	3	6	0	0
	% по ряду	0,0	59,1	13,6	27,3	0,0	0,0
Германия	частота	3	3	3	11	0	0
	% по ряду	21,4	21,4	21,4	78,6	0,0	0,0
Молдова	частота	0	11	3	0	1	0
	% по ряду	0,0	73,3	20,0	0,0	6,7	0,0
Россия	частота	4	5	3	10	5	2
	% по ряду	14,8	18,5	11,1	37,0	18,5	7,4
Украина	частота	6	36	22	24	35	1
	% по ряду	6,5	39,1	23,9	26,1	38,0	1,1

В случае турков в Болгарии главные риски коснулись всех уровней внутренних национальных отношений с фокусом на национальном уровне (32% высокой степени оценки риска). Довольно высокий уровень риска связан также с жизнедеятельностью самой этнической общности (27%), ее сплоченностью и социальной интеграцией в целом. Главные риски угрожают внутренней политике, ее эффективности (59%), а также ухудшают культурные аспекты межэтнических взаимодействий.

Риски, продуцируемые межэтническими взаимодействиями татар в Татарстане и других групп, касаются прежде всего национального (Российской Федерации) и регионального (Татарстана) уровней, тая угрозу эффективности внутренней и культурной политики, а также системной и социальной интеграции данной этнической общности. Некоторые угрозы также связаны с гуманитарными проблемами населения ФР Татарстан.

Основные риски, связанные с проблемами гагаузского народа, находятся в области региональных и локальных взаимодействий, угрожая также качеству внутренней политики и экономическому состоянию общества.

Если принять во внимание данные выводы, особую тревогу вызывает факт неудовлетворительного обращения к конструктивным предложениям по разрешению рисковосодержащих проблем, что становится очевидным в результате анализа исследовательских материалов. Так, только 51–53% статей, представляющих конфликтные проблемы в случаях России и Молдовы, содержат такие предложения. В случаях Германии и Болгарии таких статей, соответственно, 45%. В этом отношении случай Украины выглядит еще хуже: только в 33% статей обсуждаются предложения по разрешению конфликтных проблем в межэтнических взаимодействиях. Учитывая относительно высокий уровень конфликтного потенциала, связанного с проблемами крымских татар, это отнюдь не свидетельствует об ответственности соответствующей политики.

Заключительные тезисы

Какой основной месседж представляемых в данной статье результатов анализа? Изучение природы межэтнических конфликтов, имеющих отношение к очень разным случаям этнических общностей и межэтнических взаимодействий, а также их влияния на социетальную интеграцию, национальную безопасность и стабильность делает очевидным, что эти процессы в различающихся европейских обществах находятся под сильным влиянием экономических и политических интересов, поддерживаемых базовыми культурными и историческими условиями.

- Исследование убедительно подтверждает, что социетальная интеграция проявляется как многомерный социальный процесс, существенно зависящий как от исторических и культурных факторов, так и от экономических, политических и социальных состояний общества и этнических общностей. Неразрешенные экономические и культурные проблемы, как и избыточное давление со стороны политических институтов, способно провоцировать межэтнические и внутриэтнические конфликты. Кроме того, процесс интеграции не может быть свободным от влияния властных отношений, индивидуальных и групповых амбиций, а также стремлений к доминации или независимости. Такие устремления в большей или меньшей степени проникают во все сферы межэтнических взаимодействий. Открытым остается вопрос о последствиях такого проникновения, или о том, при каких условиях такое проникновение способно разжечь межэтнические конфликты либо, наоборот, способствовать успешной социетальной интеграции этнической общности.
- Учитывая этнонациональную специфику проанализированных случаев, можно выделить следующие реальные типы стратегий взаимодействия между этнической общностью и “доминантным” (“большим”) обществом, которые можно определить на основе представленного исследования:
 - 1) стратегия ассимиляции в сочетании с сохранением сильных этносоциальных связей с исторической родиной, что предполагает довольно широкий международный контекст этнически обусловленных событий. Такие стратегии являются внутренне противоречивыми: с одной стороны, они способствуют системной интеграции общности и “доминантного” общества, с другой — их использование становится источником сильного латентного напряжения, сконцентрированного в культурной сфере. Реализацию данной стратегии можно увидеть на примере случая туркоязычных общностей в Германии;
 - 2) стратегии ассимиляции, сопровождаемые либо принятием норм и ценностей “доминантного” общества с сохранением самобытности общности, либо маргинализацией последней. Реализация такой стратегии и ее интегративные последствия в значительной мере определяются как внутренним потенциалом этнической общности, ее способностью к приспособлению своей самобытности к доминирующей культуре общества, так и готовностью “доминантного” общества принять “на равных” интересы общности. Данная стратегия проявилась на примере турецкой общности в Болгарии;

- 3) стратегии локализации в комбинации либо с установками на социетальную интеграцию, либо на сепаратизацию (примеры гагаузского народа в Молдове и крымских татар в Крыму соответственно). Если первый вариант данной стратегии может успешно способствовать социальной интеграции общества в целом с сохранением самобытности взаимодействующих этносов, то второй ведет к эскалации конфликтов и угрозе социальной интеграции общества как такового;
- 4) стратегия системной и социальной интеграции в сочетании со стремлением к доминации этногруппы на всех уровнях социальных взаимодействий (пример татарской общности в Татарстане / России). Данная стратегия социетальной интеграции может быть успешной и содействовать общим интегративным процессам до тех пор, пока этническая общность не столкнется с сильным противостоянием со стороны иных групп интересов, включая другие этногруппы.

При этом остается непонятной возможность сочетания сильной тенденции этнической общности к социальной интеграции (взаимному проникновению с сохранением оригинальных идентичностей) и ее стремления быть более независимой как в культурном, так и в политическом смысле. Похоже, с подобной дилеммой начинает сталкиваться немецкое общество и соответствующая этногруппа.

Выделенные стратегии не могут описывать все многообразие реальных процессов межэтнических взаимодействий, вместе с тем они представляют собой реальные случаи, повторение которых можно найти в других примерах межэтнических взаимодействий в современных обществах.

- В случае слабой системной интеграции и слабой институциональной эффективности общества процесс социетальной интеграции *ведет к усилению внутреннего сцепления этнической общности*. Последнее может спровоцировать тенденции сепаратизации общности во взаимодействии с “доминантным” обществом.
- Взаимодействие институтов, индивидуальных и групповых интересов в определении характера процессов социетальной интеграции *не подчиняется причинным отношениям*. Если институциональная система не способна удовлетворить важные потребности этнической общности, общность способна культивировать собственные жизненные формы, “заполняющие” провалы общественной системы, и создавать условия для дубликации институциональных форм жизнедеятельности общества. Дубликация институциональных форм провоцирует развитие “параллельного общества” с собственными регулятивными и поддерживающими механизмами.

При этом также остаются непонятными возможные сценарии дальнейшего развития общества в случае возникновения в нем “параллельного общества”. Насколько устойчиво, а следовательно, и продолжительно такое состояние? Или же это состояние — лишь путь невидимого до поры до времени поглощения “доминантного” общества параллельными жизненными формами “меньшинства”? История, в частности история взаимодействия Римской империи и “варваров”, дает множественные примеры, подтверждающие реальность последней версии.

В этой связи открытым остается и вопрос о том, какая общественная политика может быть более успешной в ослаблении социального и культурного отчуждения недоминирующей части “параллельных обществ”?

Эти вопросы имеют прямое отношение ко всем обществам, ставшим объектом представленного исследования, и касаются очень деликатной сферы социальных отношений, сфокусированной на основаниях процесса социальной интеграции. Данная проблема является и будет оставаться серьезным вызовом для европейских обществ, а также для общественной политики. Сравнение национальных случаев в контексте более широких процессов европейской интеграции способно обеспечить более глубокое понимание этой чрезвычайно сложной проблемы.

Литература

1. *Richmond A.H.* Ethnic Nationalism: Social Science Paradigms // *International Social Science Journal*. — 1987. — Vol. 39. — № 1. — P. 3–18; *Richmond A.H.* Social Exclusion: Belonging and Not Belonging in the World System // *Refuge*. — 2002. — Vol. 21. — № 1. — P. 40–48.
2. *Genov N.* (ed.). *Patterns of Interethnic Integration: Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts der Freien Universitdt Berlin*. — Berlin, 2007.
3. *Genov N.* (ed.). *Comparative Research in the Social Sciences*. — Paris; Sofia, 2007.
4. *Kutsenko O.* Monitoring of Events in InterEthno INTAS Project // *Genov N.* (ed.). *Comparative Research in the Social Sciences*. — Paris; Sofia, 2007. — P. 121–133.
5. *Luhmann N.* *Soziale Systeme. Grundris einer allgemeinen Theorie*. — Frankfurt a. M., 1984.
6. *Golovin N.A.* Press in the Interethnic Interactions: International Comparative Content-Analysis // *Genov N.* (ed.). *Comparative Research in the Social Sciences*. — Paris; Sofia, 2007. — P. 134–147.
7. *Ragin Ch.C.* How to Lure Analytic Social Science Out of the Doldrums. Some Lessons from Comparative Research // *International Sociology*. — 2006. — Vol. 21. — № 5. — P. 643; *Rihoux B.* Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Systemic Comparative Methods. Recent Advances and Remaining Challenges for Social Science Reserch // *International Sociology*. — 2006. — Vol. 21. — № 5. — P. 680.
8. *Weber M.* *Economy and Society*. — Berkeley, 1978. — P. 394–398; см. также: *Quah S.R.* Conceptualizing Ethnicity: In Search of Cognitive Innovations // *Genov N.* (ed.). *Advances in Sociological Knowledge over Half a Century*. — Wiesbaden, 2004. — P. 245–266.
9. *Парк P.* Город как социальная лаборатория // *Социологическое обозрение*. — 2002. — Т.2. — № 3; *Park R.E., Ernest W.B.* *Introduction of the Science of Sociology*. — Chicago, 2004.
10. *Lockwood D.* Social Integration and System Integration // *G.K.Zollschan, W.Hirsh* (ed.). *Social Change: Explorations, Diagnoses and Conjectures*. — N.Y. — 1964. — P. 370–383.
11. *Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures // *International Journal of Intercultural Relations*. — 2005. — № 29. — P. 697–712.
12. *Allardt E.* Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research // *Fruen A., Nussbaum M.* (eds.). *The Quality of Life*. — Oxford, 1993. — P. 89–94; *Allardt E.* Fruitful Contradictions Alapuro // *Acta Sociologica*. — 2006. — Vol. 49. — № 2. — P. 139–147.
13. *Bohnke P.* Perception of Social Integration and Exclusion in an Enlatged Europe // *Quality of Life in Europe / EFILWC*, 2004.

14. Freedom House/ Country Report, 2006. — <http://www.freedomhouse.org>.
15. Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Governance Matters IV: Governance Indicators for 1996–2005. Doing Business. — Washington, D.C.: The World Bank Group. — <http://www.doingbusiness.org/EconomyRankings>.
16. Transparency International, Berlin, 2006. — <http://www.transparency.org>.
17. Coser L. The Functions of Social Conflict. — Glencoe, 1956. — P. 151–157.
18. Genov N. Managing Transformations in Eastern Europe. — Paris; Sofia, 1999. — P. 32–36.
19. Бабенко С.С. Социетальная и социальная интеграция крымских татар: от структурных неравенств к успешным стратегиям // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина. — 2006. — № 752. — С. 108–117; Babenko S. Societal Integration of the Crimean Tatars: Problems, Opportunities, and Strategies // Genov N. (ed.). Comparative Research in the Social Sciences. — Paris; Sofia, 2007. — P. 211–219.
20. Rieck Ch.E. Lead Culture versus Parallel Societies. Germany and its Turkish Minority. — http://www.politikwissen.de/expertenforum/exp_downloads/riekdez04.pdf.